

У Су Яо мелькнула малодушная мысль прирезать главу ордена прямо здесь, решив этим большинство своих семейных проблем. Не то чтобы он недооценивал человека, занявшего столь высокий пост среди сборища воинов, но привязанности играют злую шутку, делая их хозяина уязвимее. Стоило только сделать вид, что опускает меч, а после резко замахнуться вновь, используя энергию ци... Но, во-первых, всё равно могло не сработать, а по настоящему сражаться Су Яо сейчас не способен, особенно с кем-то вроде главы ордена. А во-вторых, проблем от убийства набралось бы ещё больше. Ну и в-третьих, всё-таки Бай Юйлун был, отчасти, защитником эксцентричного главы пика Чёрных Лотосов; с этой стороны убийство являлось очень невыгодным. С мысленным тяжёлым вздохом пришлось отказаться от столь заманчивой идеи. Оставалось надеяться, что семейные проблемы обойдут его стороной, либо забудут о нём. Было бы неплохо, но шестое чувство подсказывало, что мечта явно не сбыточная.

Су Яо отвёл меч в сторону, но не удержался от маленькой пакости. Острое лезвие клинка отразило блики света и направило их в глаза Бай Юйлуна. Глава ордена зажмурился и весь подобрался, словно готовясь к схватке. Рефлексы, рефлексы. Заклинатели всегда ждут нападения. Параноики, но зато живые. Только когда Су Яо со звоном загнал меч в изящные ножны, глава ордена смог расслабиться и открыть глаза.

"К слову о здоровой паранойи... Я надеюсь, что он не слышал мой разговор с лисятами, иначе будет плохо", — мысленно Яо устало вздохнул, не любил он, когда что-то выходило из-под контроля.

— Я принёс новый вид чая, что мне доставили в дар от ордена Огненной Зари. Не откажешь мне в удовольствии совместного чаепития? — Бай Юйлун нежно улыбнулся, достав из-за пазухи мешочек, от которого приятно пахло травами.

"Уже на ты", — равнодушно подметил глава пика Чёрных Лотосов, подозрительно смотря на оппонента, но, не найдя повода отказать, кивнул в согласии.

Су Яо даже никаких действий не пришлось делать для указа подготовить всё для чаепития, расторопные слуги уже всё сами поняли. Повесив ножны на пояс, глава пика развернулся и пошёл в сторону беседки. Бай Юйлун принял это за приглашение и последовал за ним. В беседке уже убрали следы предыдущего чаепития и подготовили всё для нового. Хотелось сладкого, но нельзя. Во имя маскировки, так сказать. Хотя, она может и не понадобится, если глава ордена слышал разговор с лисами. Но пока это не подтвердилось, давать повода для сомнений не стоило.

В беседке они сели друг напротив друга. Глава ордена сразу стал заваривать свой дарённый чай. Су Яо ничего не оставалось, кроме как внимательно следить за его действиями. Вскоре по округе разнёсся ягодный аромат. Изумительный запах, который неплохо так способствовал успокоению и более откровенным разговорам. Бай Юйлун передал одну чашку с напитком Су Яо. Вкус у чая был ничуть не хуже запаха. Правда, после глотка на языке осталось неприятное чувство горечи, как после раскусывания шарика чёрного перца. Почему-то Яо был уверен, что так быть не должно, но он промолчал, желая, чтобы глава ордена побыстрее сказал всё что нужно и ушёл.

— В путешествие пойдёшь вместе с Чан Юйши, — сделав свой глоток чая, не стал более медлить глава ордена и, как говорится, рубанул с плеча.

— Ты решил, что можешь не учитывать моё мнение и навязывать ненужного мне попутчика? — приподнял бровь Су Яо.

"Тебе так хочется, чтобы я спалился?"

— Недавно ты был ранен. Несколько дней был бессознания. Чан Юйши сможет о тебе позаботиться, — решительно сказал Бай Юйлун.

— А я не смогу о себе позаботиться сам? — не сдержал сарказма Су Яо.

— Пойми, я волнуюсь, — смягчился глава, не желая ссориться.

— Пойми, я взрослый заклинатель, — передразнил Яо, — сам смогу о себе позаботиться.

— Ты был ранен, — настоял глава ордена и мягко схватил собеседника за запястье руки с чашей.

— Я заклинатель, — напомнил Су Яо и резко, почти в отвращении, дернул руку из захвата, едва не расплескав чай. — Сильный взрослый заклинатель. Или ты ставишь это под сомнение?

— Нет, конечно, но лучше перестраховаться, — нахмурился Бай Юйлун, с какой-то непонятной грустью посмотрев на реакцию главы пика Чёрных Лотосов.

— Мне не нужен навязанный попутчик, — прошипел сквозь зубы Яо.

— Так, всё, — кончилось терпение Бай Юйлуна, — это приказ главы ордена и он не обсуждается!

Су Яо гневно сощурил потемневшие голубые глаза с сузившимися зрачками, но промолчал. Выступить против приказа главы сейчас было не в его силах.

Всё остальное чаепитие прошло в напряженном молчании. После него глава ордена ушёл. Су Яо прикрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул и выдохнул, пытаясь утихомирить свой гнев. Он ненавидел, когда что-то шло не по его плану. Но злиться на главу ордена за его искреннее беспокойство было бы глупо, но всё же так неприятно, когда кто-то рушит твои планы. После очередного вздоха, Су Яо внезапно почувствовал себя очень уставшим. Не физически, морально. Наверное, так себя чувствуют столетние старики, которым только и осталось ждать свою смерть, а эта своенравная дама не торопиться к ним.

— Ланхуа, у меня только три вопроса. Первый, мой разговор с вами могли подслушать? — помассировав переносицу, словно в никуда спросил Яо.

— Нет, — но никуда ответило. — Предыдущий господин очень ценил конфиденциальность. Беседки защищены от прослушивания очень хорошо, — Ланхуа отвечал на вопросы, пока Цзы и Хуан убирали последствия разговора с главой ордена; чаша господина изнутри была покрыта инеем.

— Второй вопрос, почему чай был горьким? — Су Яо всё же казалось, что это не спроста, вряд ли, конечно, глава ордена хотел его отравить, но всё же.

Ланхуа схватил у Цзы чашу господина и выпил последний глоток, который глава пика оставил специально для этого. И отдал обратно брату.

— Это специальная сыворотка из глициний, чтобы определять настоящий облик существа.

"Значит, что-то заподозрил".

— И последний вопрос, кто такой этот Чан Юйши?

— Это глава пика Сражающихся Цветов, — ответил Ланхуа.

— Свободен, — небрежно бросил Су Яо, откинувшись на столб, поддерживающий крышу беседки, что был позади.

Всего на миг, на долю мгновения, слушая нежный голос главы ордена, когда тот просил о совместном чаепитии и беспокоится о нём, Яо почувствовал знакомое семейное тепло, что до этого ощущал лишь от одного человека, и пожелал, в чём он никогда не признается, стать этому человеку настоящим братом. Он сразу отмахнулся от этой мысли, списав всё на остаток чувств предыдущего — настоящего — владельца тела, но где-то глубоко внутри, в покрытой ледяной корочкой душе, в чертогах разума, в самой тьме подсознания, признавал, следуя старой привычке не врать себе, что это было личное желание его заплутавшей сущности. Личное и, возможно, одно из самых важных. Жаль, но его тяжёлый характер всё портит. Так было и в прошлом мире.

Посторонние бы посмеялись над словосочетанием "тяжёлый характер" в сторону Мары, ведь для окружающих та была если не ангелом во плоти, то хотя бы святой. Вежливая, не любящая конфликты и крики, она не обсуждала людей за их спиной и не спешила критиковать и давать советы, не зная всей ситуации в целом. Ей не было сложно что-то объяснить нервничавшему и забывшему всё на свете стажёру, заварить любимый чай главврача вместо уставшей секретарши и донести тяжёлые пакеты из магазина на девятый этаж старушке из 59 квартиры, когда лифт сломался. Ну разве не ангел? Её лучшая подруга точно знала, что нет, ни в коем случае.

Мара была милой девочкой ровно до тех пор, пока люди к ней не лезли, а помощь им не была сложной или во вред ей самой. Её доброе отношение успешно отвлекало от того факта, что она работает судмедэкспертом и до сих пор не имеет не то что детей и мужа, даже парня, зато делит жилплощадь с девушкой — лучшей подругой — чей взрывной характер стал почти легендой всего квартала. Никто не обращал внимания, что Мара живёт несколько лучше, чем положено обычному патологоанатому, пусть и с довольно высокой зарплатой. Все словно не замечали, как на день рождения лучшей подруги она дарит дорогие украшения и выбивает в тире 20 мишеней из 20. Окружающие радостно жили в искусно сплетённой лжи, с удовольствием принимая её за правду.

Никто кроме лучшей подруги не знал, как весело порою бывает скрывать преступления и получать за это просто неприлично большие деньги.

Изнасилование? Пол лимона и эту маленькую деталь можно упустить в отчёте. Убийство во время ссоры? Полтора миллиона и в заключении о смерти значится несчастный случай. Большое наследство? Не вопрос, десять процентов от него и дорогой родственник умер, как не прискорбно, от инфаркта, а что хотели, старенький уже. Месть за братка? Договоримся! Никто ничего не узнает.

Низко? Возможно. Но жить хотелось красиво, в своё удовольствие. Мёртвым всё равно уже ничего не нужно, так какая разница возбуждено уголовное дело или нет? Лишь в самом конце Мара поняла, что мертвецам это безразлично, а поиск и поимка преступника вовсе не для них... Это нужно не мёртвым, это нужно живым. Жаль, что понимание этой простой истины, Маре далось так больно и слишком поздно. Хотя, впрочем, не то что бы это что-нибудь изменило.

Вот такая бракованная из Мары была девочка-конфетка. Красивая обёртка, мерзкая начинка.

В голове звучали крики, выстрелы и стуки тел о пол, в руке ощущалась холодная тяжесть огнестрела, каблуки отстукивали неспешный ритм по мраморной лестнице.

Раз, два.

Три, четыре.

Пять, шесть.

Семь.

Су Яо резко распахнул глаза и дёрнулся, судорожно пытаясь привести дыхание в норму. Он дышал, но не чувствовал, что лёгкие наполняются кислородом. Грудную клетку распирало, рёбра болели от слишком больших и частых вдохов. Напряжение потревожило недавний ожог, добавляя ко всему прочему ещё и болезненные ощущения от него. Дыхание не желало успокаиваться и приходило в норму. Слишком много, слишком часто, слишком сильно.

Гипервентиляция.

Знание происходящего вовсе не помогало избавиться от избытка кислорода в организме. Казалось, ещё чуть-чуть и лёгкие надуются, тело взлетит как воздушный шарик ввысь, а после грудная клетка лопнет, забрызгав округу горячей кровью. Но Су Яо был оптимистом, потому надеялся, что обойдётся без полётов и взрывов, и умрёт он красивым и целым от гипоксии, которая приведёт сначала к потере сознания, а потом и к смерти тканей головного мозга. К тому же, такое лишение жизни в беспамятстве должно быть ещё и безболезненным. Сплошные плюсы!

Оптимист из Су Яо, из Мары, всегда был так себе. Зато вместе с лучшей подругой она заодно практиковалась в чёрном юморе и даже достигла некоторых успехов.

— Глава пика! — сквозь шум в ушах услышал восклицание Су Яо.

"У всех братьев есть радар, который подсказывает, что сейчас самое время героически появиться и испортить хорошо-ужасную репутацию злодея?" — успокоиться не получалось, от чрезмерного, чересчур глубокого и частого дыхания было ощущение, что рёбра уже обзавелись парочкой трещин.

— Брат! — голос переполнился беспокойством и неподдельным страхом.

Перед замутнённым взором предстало взволнованное лицо Бай Юйлун. Он был растерян, его и так не особо светлые глаза потемнели сильнее, становясь словно заволакивающим, но опасным небом в грозовую ночь, а зрачки сузились, едва ли не теряясь в цвете радужки. Бай Юйлун протянул руки в невнятном жесте помощи и поддержки. Зрачки Су Яо также сузились, но радужка, в отличие от глаз главы ордена, посветлела, становясь почти прозрачной, как корочка льда на воде при низкой температуре. Одна из рук Бай Юйлун была безжалостно схвачена, а после отброшена в сторону с такой силой, что весь корпус тела вслед повело в сторону. Одновременно с этим жестом Су Яо подскочил в бессознательной попытке сбежать, но уже на следующем шаге ноги предательски не выдержали, и он упал на колени, едва успев выставить руки вперёд. Со стороны это выглядело откровенно жалко, для полной картины не хватало только капающих на землю слёз.

Почти сразу после падения Яо почувствовал, что его схватили за шкуру. Больше не став медлить, Бай Юйлун дёрнул его вверх и в сторону, развернув к себе лицом, одновременно с этим опускаясь в позу сэйдза. В итоге получилось, что Бай Юйлун притянул Су Яо к себе на колени и крепко обнял. Попытавшись дёрнуться, Яо быстро осознал бесполезность попыток отстраниться. Глава пика Чёрных Лотосов хотел ударить кулаком по спине брата, чтобы его отпустили, и уже замахнулся, но резко на него словно бы навалилась вся усталость мира. Заведённая рука беспомощно опустилась где-то в районе позвоночника главы ордена. Вторая ладонь, до этого бессильно болтающаяся вдоль тела, присоединилась к первой на надёжной спине брата в неловком объятии. Стало тепло и, возможно, не только физически.

Глава ордена пах чем-то особенным, приятно-цветочным. Запах успокаивал. До этого бешено

движущаяся грудная клетка стала более спокойно и размеренно подниматься-опускаться. Когда дыхание брата пришло в полную норму, Бай Юйлун обрадовался и хотел уже выпустить его из объятий, как с удивлением понял, что Су Яо заснул. Эту свою особенность впадать в крепкий сон стоит только оказаться в спокойствии, тепле и, хоть чуть-чуть, более менее удобной позе, Яо недолюбливал ещё с прошлой жизни, и теперь появилась ещё одна причина для этого.

Проснулся Су Яо, когда солнце уже клонилось к закату, в своей кровати и завёрнутый в одеяло. Немного разогнав сонную дымку, он вспомнил, что произошло. Мысль, описывающая ситуацию, вертелась в голову Яо одним ёмким, но не очень цензурным словом. И почему всё время после переселения характеризовалось только лишь именно им?

— Зачем глава ордена вообще вернулся? — мученически простонал Яо.

— Он забыл спросить про сроки Вашего отбытия. Про которое, кстати, Вы ничего не соизволили сказать, — обиженным голосом внезапно отозвалась пустота, от чего глава пика едва не скатился с кровати, но дёрнулся точно.

— Цзы, мне правда нужно это путешествие. Посмотреть мир, выжить и разобраться в нём, набраться опыта, освоиться, — быстро справился с испугом Су Яо и бросил взгляд на обиженное лицо духа с фиалковыми глазами. — Вы что-то ответили?

— Через три дня, — буркнул лис.

— Три дня? Неплохая цифра, — он не был против такой самоуправы, так как сам до этого не решил, когда отправиться, а такое количество времени хорошо вписывалась в его планы; глава пика встал с кровати и стал одеваться, хорошо хоть пучок не распустили, жаль, что немного истрепался только.

— Почему Вы ничего нам не сказали? — обиженно спросил Цзы.

— Забыл, — лаконично, без капли вины в голосе ответил Яо.

— Вы не собираетесь брать нас с собой? — разочарованно уточнил лис, печально повесив уши, хвост одиноко болтался позади.

— За пиком кто-то должен приглядывать, а разлучать таких близких братьев — жестоко, — отчасти Су Яо успел привязаться к духам и не хотел, чтобы они грустили друг без друга.

— Вы говорите совсем как предыдущий господин, — вдруг улыбнулся Цзы, дёрнув белым ухом.

— Мы не закончили тренировки с мечом, — одевшись и взяв меч, Су Яо вышел из комнаты, за ним последовал и Цзы.

До полуночи Су Яо по очереди сражался (огребал от них, на самом деле) с лисами. В конце он так устал, что до источника его тащил Хуан на спине. Ополоснувшись, свежий и чистенький Яо, едва коснувшись головой подушки, мгновенно провалился в крепкий сон, всю продолжительность которого сопровождал умиротворяющий цветочный аромат.

Прим. автора: уж не знаю, как остальные, но я и впрямь могу заснуть, стоит мне оказаться в теле и спокойствии. Это, кстати, очень мешает писать главы, ибо писать я предпочитаю лёжа на кровати, завёрнутой в одеялко. Так что, если главы долго нет, возможно, я опять дотянула до последнего и уснула с телефоном в руках)

Сейдза, если кто не в курсе, это традиционная восточная поза сидения на коленях. В ней ещё ноги затекают жутко)

Счёт до семи, к слову, это отсылочка на прошлое Мары, глава про которое давно готова, так что всё не просто так.

И мне так нравится придумывать прошлое Мары, прям не могу. Ладно, всё, откланиваюсь, у меня есть дела, которые придётся решать через силу. Поки, люблю вас☺

<http://tl.rulate.ru/book/29525/669211>